

В. А. ЧЕРНОВ

На каком языке писал Аввакум?

В современной русистике уже, можно сказать, признано за объективную истину утверждение о генетической неоднородности древнерусского литературного языка, о том, что в одних — высоких — жанрах письменности использовался церковнославянский язык, в других, — обслуживающих деловые нужды общества, — язык сначала восточнославянской, а затем и великорусской народности.

Рядом с ними существовала устная разговорная речь русского народа, которая, служа потребностям производственного и бытового общения, выглядела на фоне письменно обработанных, литературных (преимущественно церковнославянских) разновидностей как речь безыскусственная, опрошенная. Как просторечие она противопоставлялась церковнославянскому красноречию.

Учитывая наличие в Древней Руси письменного церковнославянского языка, пользующегося особым престижем, с одной стороны, и устной речи, которой отводилась второстепенная роль, — с другой, Б. А. Успенский приложил к языковой ситуации, имевшей место в XI—XVII вв., идею Ч. Фергюсона о диглоссии.¹

Главным при диглоссии, в отличие от двуязычия, является сосуществование двух близкородственных языков, причем они функционально специализированы и один из них, обладающий письменной формой, считается более важным, второй же, бесписьменный, — подчиненным. Первый к тому же в типичных случаях является языком культа, что придает ему особую престижность. Именно такая языковая ситуация и наблюдается, по мнению Б. А. Успенского, в России XI—XVII вв.

Однако состояние было более сложным, чем представляется Б. А. Успенскому. Ведь в России в то время сосуществовали не менее чем три функционально специализированные языковые системы: церковнославянский письменный язык, русский письменный деловой язык и русская народно-разговорная речь — следовательно, ситуация должна оцениваться как ситуация полиглоссии.

С конца XVII в. в течение примерно столетия происходила, как утверждает Б. А. Успенский, языковая революция, которая ликвидировала состояние диглоссии. Но это в полной мере относится и к ситуации полиглоссии.

В условиях завершения ситуации полиглоссии и протекала писательская деятельность Аввакума Петрова. В это время, по словам английского ученого Г. В. Лудольфа, «никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского».² Далее он писал: «. . . так у них и говорится,

¹ Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 4—8.

² Лудольф Г. В. Русская грамматика. Перевод. / Пер., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937. С. 114.

что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски».³ Добавим, однако, что на славянском (т. е. церковнославянском) языке следовало писать все, что не относилось к сугубо деловой сфере. Владение церковнославянским языком было делом престижа. Об этом снова свидетельствует Лудольф: «...чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях».⁴

Будучи сыном своего века и священнослужителем-профессионалом, Аввакум обязан был писать на церковнославянском языке. И он действительно пишет свое «Житие» на нем, однако не все части. Теологические рассуждения в начале сочинения не вызывают сомнения относительно типа языка — он церковнославянский. Однако, описывая «волокигу», особенно сибирский период жизни, Аввакум срывается на письмо по-русски: он употребляет русские слова и выражения, образует русские грамматические формы и конструкции.⁵ Это замечено многими, не только специалистами-филологами, но и рядовыми читателями. Аввакум строит свое повествование в сказовой манере, и читая «Житие», как бы слышишь неторопливую речь современного крестьянина. Отрывки такого характера — не только в «Житии», но и в других произведениях — и создали Аввакуму репутацию писателя-новатора, стремившегося писать на русском языке,⁶ да и сам он как будто бы это утверждает. Но об этом несколько позже.

Чем же можно было бы объяснить то, что писатель одни части «Жития» пишет на церковнославянском языке, другие — на русском?

Сравним два небольших отрывка, помещенных во вводной части этого сочинения Аввакума. Оба они содержат описание «солнечного знамения». Одно представляет собой пересказ библейского эпизода, другое — изложение рассказа современника Аввакума об астрономическом событии XVII в.

«Егда Исус секий иноплеменики, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сиречь разпротре руде свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече и бысть во дни том и в нощи тридесет четьре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло» (л. 193—193 об.).⁷

«Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон сибирский и в полудне тма бысть перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиал гнева ярости своея на русскую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним» (л. 192—192 об.).⁸

В первом отрывке встретилось 8 маркированных церковнославянских глагольных форм: причастие «секий», аористы «бысть» (дважды), «ста»

³ Там же.

⁴ Лудольф П. В. Русская грамматика. С. 113.

⁵ Ср.: «Изменник Курбский в своих посланиях к Грозному старался придерживаться церковнославянского языка, но тоже „собачился“ (употреблял вульгаризмы русского просторечия. — В. Ч.), когда распалился» (Ф и л и н Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 281).

⁶ Ср.: «Аввакум невысоко ценит „плетение словес“, характерное для книжнориторических стилей, и отдает явное предпочтение живой разговорной речи народа» (Е ф и м о в А. И. История русского литературного языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1967. С. 89—90); «Первое, что обращает на себя внимание в сочинениях Аввакума, — это его живая русская речь, или перебивающая речь книжную, церковнославянскую, или в большинстве случаев совершенно ее вытесняющая» (Г у д з и й Н. К. История древней русской литературы. 3-е изд., перераб. М., 1945. С. 456) и т. д.

⁷ Р о б и н с о н А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 140—141.

⁸ Там же. С. 140.

(дважды), «разпростре», «погуби», «потече»; 5 именных: твор. п., мн. ч. — «иноплеменники», вин. п., дв. ч. — «руце», вин. п., мн. ч. — «враги», а также «во дни», «в нощи»; все наречия и союзы: «егда», «еже», «доньдеже», «паки», «понеже». Русских же глагольных форм — всего 4 (да и те не в описании события, а в комментарии Аввакума): «возвратилося», «отбежало» (дважды), «прибыло»; именная — 1: «часов»; остальные формы не маркированы. Во втором отрывке из церковнославянских форм встретились 3 глагольные: «бысть», «померче», «являя», 2 местоименные: «сего ради», «своя», адъективная — 1: «церковная», тогда как русских глагольных форм — 8: «плыл», «стояли», «подтекала», «казил», «излиял», «был», «забыть», «плачючи», адъективная — 1: «сибирской», союз — 1: «неколи», имеются также 2 конструкции приблизительного счета: «недели за две», «часа с три»; остальные глагольные и адъективные, а также все именные и местоименные формы пришли во второй отрывок, вероятно, в составе библейских штампов описания «солнечных знамений».

Отсюда, хотя других таких параллелей в памятнике больше нет, можно заключить, что Аввакуму было легче следовать нормам церковнославянского языка тогда, когда он имел в памяти соответствующий образец, когда пересказывал какие-то места из церковных книг, в которых и черпал готовые штампы, формулы, формы. В случаях оригинального творчества преобладают русские народно-разговорные формы, проникшие в текст сочинения из повседневной, «мирской» речи билингвиста Аввакума, который при отправлении культа был обязан пользоваться церковнославянским языком, а в обыденной жизни, в светском общении с мирянами, с семьей не мог обойтись без простой разговорной речи.

Существование таких носителей двуязычия в XVII в. можно предположить, исходя из того, что и в настоящее время — в конце XX в. — старообрядцы-беспоповцы на своих молитвенных собраниях сохраняют даже особое церковнославянское произношение, отличное от их произношения в бытовом и производственном общении.⁹

Вообще, наблюдения над языком «Жития» показывают, что наибольший процент церковнославянских форм приходится на первые 39 страниц памятника (л. 189—208), из которых на л. 189—196 об. содержится богословское введение, на л. 197—198 об. — традиционный зачин собственно жития и описание «вещего сна», на л. 199—208 — рассказы о конфликтах с неблагочестивыми прихожанами и неправедными начальниками (язык этих рассказов характеризуется постепенным переходом от письма на церковнославянском языке к письму на русском). На последующих 154 страницах относительная употребительность (среднее количество на одной странице) церковнославянских форм любой части речи оказывается всегда не более той, которая обнаруживается на первых 39, а для русских форм показательна обратная закономерность. Это подтверждается конкретными наблюдениями. Для примера рассмотрим употребительность нескольких форм.

Такое распределение церковнославянизмов и русизмов по частям «Жития», очевидно, может свидетельствовать о том, что, во-первых, Аввакум не имел осознанного намерения писать на русском языке, а собирался создавать свое сочинение на традиционном для неделовых жанров письменности (тем более агиографического жанра) церковнославянском языке; во-вторых, начав писать на церковнославянском, он не сумел удержаться в его рамках, хотя субъективно, вероятно, не замечал, что язык «Жития» во многих отрывках ближе к народно-разговорному, чем к церковнославянскому языку.

⁹ См.: Успенский Б. А. Архангелская система церковнославянского произношения: (Из истории литургического произношения в России). М., 1968. С. 7, 88, 96, 98 и др.

Форма	Тип языка	Объем текста	
		Л. 189—208 (39 страниц)	Л. 208 об.—285 (154 страницы)
Им. п., ед. ч., м. р. имен прилагательных	ц.-сл. (-ый, -ий)	0.410	0.115
	рус. (-ой, -ей)	0.103	0.397
Личное местоимение 1-го лица	ц.-сл. (аз)	0.359	0.282
	рус. (я)	0.718	1.262
Аорист	ц.-сл.	2.000	0.603

Но что же тогда скрывается за известной тирадой Аввакума о его любви к «русскому природному языку»? Не указывает ли это все-таки на сознательное намерение писать не только на церковнославянском языке? Рассмотрим высказывания Аввакума о языке. В так называемом Предисловии к третьей редакции «Жития» находим: «. . и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими <sic!> не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет» (3, 162 об.—163),¹⁰ а далее он пишет: «. . не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брежу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго» (3—163).¹¹ В «Книге толкований и нравочений» имеется еще одно рассуждение о языке, обращенное к царю Алексею Михайловичу: «Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить: да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже ползует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане бывало, добренько, и рцы по русскому языку: „Господи, помилуй мя грешнаго!“ А кирьелейсон-от оставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его».¹²

При сопоставлении этих высказываний становится очевидным, что Аввакум противопоставляет простую речь, просторечие «виршам философским», «красным словесам» и объясняет просторечие своих сочинений приверженностью к «русскому природному языку». Вообще, он считает несущественным, на каком языке (латинском ли, греческом, еврейском или «природном русском») говорит верующий: важно лишь высоко нравственное (в пределах христианской морали) поведение. Поэтому Аввакум, не заботясь о красноречии, и пользуется русским языком. Однако цитата из «Книги толкований» показывает, что протопоп своеобразно понимает термин «русский язык». Для него это не столько русская народно-разговорная речь, сколько церковнославянский язык, на который Кирилл и Мефодий перевели профессиональные книги. Конечно, это не древнеболгарский язык первых переводов, а русская форма церковнославянского языка, бытующая в XII в., но все-таки не народно-разговорная речь. Это, кстати, демонстрируется и контрастом между призывом, обращенным к царю, говорить по-русски и языковой формой предполагаемого

¹⁰ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. 112.

¹¹ Там же.

¹² Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. С. 475. (Русская ист. б-ка; Т. 39).

восклицания, которая может быть оценена как церковнославянская. Наконец, из этой цитаты видно, что Аввакум в действительности противопоставляет не русский язык церковнославянскому, а церковнославянский греческому (кирьелейсон = *kyrie eleison* — господи, помилуй).¹³

Некорректность в употреблении термина «русский язык» была при- суща не только Аввакуму. По наблюдениям П. С. Кузнецова¹⁴ и Н. И. Толстого,¹⁵ так же нечетко осмыслили письменный язык своего времени и многие другие древнерусские книжники, хотя в конце XVII в. возникает восприятие церковнославянского как языка иностранного.¹⁶

Таким образом, высказывания в так называемом Предисловии заостре- ны не против того или иного языка, а против упрека в просторечии, ко- торое Аввакум предпочитает красноречию. Красноречие — высокий стиль, тогда как просторечие — сниженный. Просторечие — это манера говорить, «яко же поселяне». Перенося манеру такого «говорения» в про- изведение письменной литературы, Аввакум и должен был пояснить, почему его произведение оказалось до такой степени насыщено русиз- мами, что у читателя появляется ощущение просторечия.

Думается, что не случайно эта статья о любви к русскому языку на- писана только для «Пустозерского сборника», найденного И. Н. Заво- локо, содержащего третью редакцию «Жития». Аввакум к тому времени уже должен был получить критические отзывы о своем сочинении и о его языке. Не исключено, что ближайшим таким критиком, критиком весьма ядовитым, был дьякон Федор, «соузник» Аввакума, отношения с которым у протопопа на почве расхождений по теологическим вопросам были напряженными. Оправдывая себя, Аввакум и объявил, что язык его со- чинения далек от чистоты церковнославянского по принципиальным сооб- ражениям, что это — результат сознательного замысла.

Подводя итоги, можно сказать, что Аввакум не имел осознанного на- мерения отступать от традиции писать на церковнославянском языке, который у него, однако, не являлся четко очерченной системой. Но под напором впечатлений от остро переживаемых событий в жизни страны, в жизни церкви и в личной жизни он не сумел удержаться в рамках тра- диции и незаметно для себя перешел к передаче содержания на письме средствами народно-разговорной речи.

¹³ Ср.: Гусев В. Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 273.

¹⁴ Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. С. 11.

¹⁵ Толстой Н. И. Старинные представления о народно-языковой базе древне- славянского литературного языка (XVI—XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. 1976. Вып. 1. С. 197.

¹⁶ См.: Филлин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 72— 73.